

Весь этаж гудел, словно растревоженный улей. Школа же предпочла смотреть на это сквозь пальцы, позволяя ученикам немного расслабиться. По радио объявили, что физорги должны явиться в кабинет этажа за бланками регистрации на соревнования, а оставшиеся два часа отдали им же и старостам на организацию записи и прочие приготовления к спартакиаде.

Например, определить, кто будет отвечать за снабжение, кто — писать болельщицкие тексты, без группы поддержки тоже не обойтись, да и фотографа нужно назначить...

Два часа казались долгими, но когда начали обсуждать все эти мелочи, времени вдруг стало в обрез.

Первым делом Сунь Юйсян с бланком в руках взобрался на кафедру:

— Братья и сёстры! Начинается первая волна записи! В ассортименте: стометровка, двухсотметровка, четырехсотметровка, восьмисотметровка и полуторакилометровка! Кому что? Быстрее разбирайте!

— Начну с себя — забираю полтора километра!

Одноклассники внизу откликнулись с энтузиазмом, поддерживая игру.

— Босс, босс! Мне двухсотметровку!

— Есть! Записываю!

— Четыреста! Я на четыреста!

— Принято! Есть!

...

Следующие двадцать с лишним минут Сунь Юйсян в том же духе «продавал» прыжки в высоту, прыжки в длину, барьерный бег, толкание ядра и прочие дисциплины.

На каждый вид находились желающие, но школа установила квоты. Например, на полтора километра от каждого класса, независимо от пола, требовалось выставить двух человек.

После первого добровольного набора, кроме некоторых спринтерских дистанций, на все остальные виды участников не хватало.

Сунь Юйсян уступил кафедру Шэнь Цзюньяну, чтобы тот занимался другими организационными вопросами, а сам спустился в «народ» агитировать и набирать людей.

Первым делом он направился к Е Цзинмо.

С бланком в руках он жалобно подбежал к нему:

— Ваше Величество! Не соблаговолите ли оказать верному слуге малую услугу?

Е Цзинмо спортом увлекался, да и телосложение позволяло, проблем с любым видом не предвиделось. Он величественно махнул рукой:

— Быть по сему! Пиши Наше имя, куда пожелаешь!

— Мудрость Вашего Величества не знает границ!! — с преувеличенным благоговением Сунь Юйсян опустился на одно колено и сложил руки в традиционном приветствии, после чего, сияя, взялся за ручку, размышляя, куда же записать Е Цзинмо.

Сначала он поставил галочку напротив «1500 м», потом задумался и осторожно взглянул на Е Цзинмо:

— Брат Е, я сначала поставил тебя на полтора километра. Остальное... можно я пока повременю? Посмотрю, на какие виды совсем народу не найдётся, туда тебя и запишу?

Сунь Юйсян знал Е Цзинмо: тот был спортивным, справился бы с любым видом. Но остальные-то в классе были не столь универсальны.

Квоты были жёсткие, ни больше ни меньше. Боялся, что если разом распишет Е Цзинмо на всё подряд, другим места не останется, а в итоге какие-то виды всё равно окажутся пустыми.

Поэтому он решил сначала дать выбор обычным ученикам, а уж на оставшиеся незаполненные места подставить Е Цзинмо.

Примерно как: «Брат Е — универсальная заплатка. Где дыра, там и пригодится!»

Самому ему было даже неловко так спрашивать.

Но Е Цзинмо отреагировал просто:

— Разрешаю.

Сунь Юйсян так и рванулся было обнимать его:

— Отец Е, я тебя обожаю!

Е Цзинмо брезгливо отклонился:

— Отвали! Мерзость.

Сунь Юйсян лишь рассмеялся и отправился к другим.

У Фань изначально записался только на двести метров, но Сунь Юйсян впихнул ему ещё четыреста метров и прыжки в длину.

Затем его хищный взгляд упал на Цинь Но, но, взглянув на тот тщедушный силуэт, он сжалился и обратился к другим.

Шэнь Цзюньян на кафедре тем временем организовывал обсуждение прочих спартакиадных дел. Дискутировали долго, и к самому концу занятий всё наконец устаканилось.

Группу снабжения возглавила староста Чэнь Цзинцин, в подчинении у неё было ещё четверо. Их задача — на классные средства закупить глюкозу, воду, полотенца и прочее, а во время соревнований дежурить у бортика, оказывая первую помощь.

Эти пятеро были костяком, но и все остальные, свободные от соревнований, могли подключаться к помощи.

Группу поддержки возглавила Хань Жуюэ, с ней ещё две девочки. Они отвечали за подготовку

плакатов, помпонов, разноцветных шаров и прочего реквизита. Весь класс считался группой поддержки: все, у кого нет стартов, должны болеть за тех, у кого они есть.

Группу по написанию болельщицких текстов возглавила ответственная за китайский язык Хуан Иньмань. Все, кто не участвовал в соревнованиях, обязаны были сдавать минимум три текста в день. Участники могли сдавать по желанию.

Фотогруппу поручили отвечающему за культурную работу. Каждый участник должен был получить хотя бы одну фотографию с соревнований.

Когда всё было решено, в воздухе повисло скрытое возбуждение. Все жаждали, чтобы время текло быстрее, и спартакиада поскорее началась.

Этот энтузиазм, впрочем, продержался лишь до начала вечерней самоподготовки.

Вскоре после её начала по радио объявили, чтобы ответственные по предметам явились в кабинет этажа за ответами.

Вернувшись в класс, они один за другим стали выписывать ответы на доску или зачитывать их вслух. С разгадкой каждого правильного ответа боевой дух многих учеников неуклонно падал.

— Чёрт! По математике у меня половина крестов!

— Я всего пять угадал! Я в ужасе! Может, ответы неправильные?

— Блин! В английском в заполнении пропусков я угадал всего одно слово?! Это вообще законно?

— Я тут сначала написал «□1», а потом, дурак, исправил на «□0»! Твою мать! Пять баллов коту под хвост!

— Конец, конец! Физику я точно завалю!

...

Класс наполнился вздохами и стонами. Е Цзинмо тоже достал красную ручку и принялся проверять. В результате — сплошные птички.

Он презрительно изогнул уголок губ, будто говоря: «И это всё? И это всё?»

Сидящий рядом Цинь Но, у которого птичек было раз-два и обчёлся, увидев эту усмешку, чуть не расплакался от обиды: *Да почему он такой чудовищный? Когда же и я смогу так же насмеяться над контрольными? Несправедливо...*

Пока все в мёртвой, леденящей душу тишине сверялись с ответами, школа решила добить их окончательно.

— Бля! Оценки уже вышли!!

Чей-то крик всколыхнул и без того мрачную атмосферу.

— Что? Правда? Правда??

— Правда, ё-моё! У меня по математике всего семьдесят с копейками!!

— Всё пропало! Мои карманные деньги капут!

У многих ёкнуло сердце. Они дрожащими руками доставали телефоны, дрожащими пальцами тыкали в иконку того самого дьявольского приложения с зелёной совой на обложке.

Да-да, именно оно! Тот самый «убийца родственных чувств», повергающий в трепет бесчисленных учеников средней школы — «Умная учёба»!

Е Цзинмо тоже достал телефон и безмятежно ткнул в зелёную сову.

Вышли оценки за три предмета, все естественнонаучные: математика, химия, биология.

Максимальный балл по математике — 150. У Е Цзинмо — 143. По химии и биологии максимум — по 100. У него — 87 и 95 соответственно.

Результаты полностью уложились в его ожидания, и особых эмоций он не проявил. А вот Цинь Но, увидев его баллы, снова всплеснул руками:

— Ёкарный бабай! 143 по математике! Он вообще человек?!

— 143?? Не зря я зову тебя отцом! — У Фань, как всегда, пустился в лесть.

Сам он набрал чуть за сотню.

Обычно он переваливал за сто двадцать, но на этот раз тест был сложным, и последние две задачи он едва начал.

— 143, наверное, самый высокий на этаже! — Шэнь Цзюньян, листая приложение, вдруг воскликнул:

— Эй, погоди! У Су Му 144, на балл выше!

Е Цзинмо наконец оторвался от своего экрана:

— Откуда знаешь? Где смотришь?

Шэнь Цзюньян показал ему телефон:

— В этом дурацком приложении же есть функция «Учёба с друзьями». Не помню, когда добавил Су Му, но тут видно его результаты!

Е Цзинмо посмотрел: у Су Му 144 по математике, 90 по химии, 92 по биологии. Сейчас их общий счёт отличался ровно на тот самый математический балл.

— Да вы оба не люди! — возмущение Цинь Но не утихало. — Внешностью нас уже задвинули, так ещё и оценками! Как жить-то?!

Е Цзинмо усмехнулся и, потрепав Цинь Но по голове, выдал нечто крайне задиристое:

— Не кипятись. Ты должен гордиться, что знаком с такими выдающимися и красивыми людьми, как мы!